

*Следующий параграф данной главы переносит читателя в иную эпоху – период интенсивного формирования официальной имперской идеологии «православие — самодержавие — народность». Российское правительство пыталось сформулировать в 1830-е гг. «национальную» идею, которая могла бы консолидировать многонациональную страну и создать из населяющих ее народов единую «политическую» нацию. Однако, по умолчанию, предполагалось, что под «народностью» подразумевается русская народность, в которую включались все восточные славяне (белорусы, украинцы и русские). Соответственно, борьба за «национальную» идею оказывалась борьбой за «русскую» идею (в правительственной огласовке). На юго-западной окраине империи (т. е. Украине, употребляя современное территориальное деление) этот вопрос стоял особенно остро, т. к. здесь сталкивались между собой три национальные идеи: русская, польская и зарождающаяся украинская. Для правительства существовала своя «идеологическая география»: оно мыслило категориями Киевской Руси и ее исконной принадлежности российскому пространству. Польские интеллектуалы воспринимали эту территорию как собственные утраченные «кресы» (восточные окраины, польск. *Kresy Wschodnie*), а уже к 1840-м гг. украинские интеллектуалы и литераторы развивают идею «украинской Украины» с собственным языком, культурой и идентичностью коренного народа. Далее пойдет речь о правительственной стратегии, направленной на культурно-политическое «присвоение» Украины и подавление польского культурного влияния, на возрождение Киева как «исконно-русского» религиозно-го и культурного центра.*

1.2. Борьба за «русскую» Малороссию при Николае I*

Инна Булкина

Царствование Николая I для Юго-Западного края и, прежде всего, для Киева стало временем едва ли не самых глубоких

---

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе». Параграф написан на основании статьи автора: Политика Николая I в Юго-Западном крае и учреждение университета Св. Владимира // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII. Новая серия. Тарту, 2009. С. 360–378. *Humaniora: Litterae Russicae.*

и принципиальных преобразований. В результате политики императора и его администрации все сферы городской жизни были серьезнейшим образом реформированы. За несколько десятилетий из пограничного, «отвоеванного у Польши» города Киев был превращен в город «Русского духа», своего рода «умственную крепость». Мы попытаемся представить здесь основные политические, культурные и социальные процессы, связанные с киевской деятельностью Николая I, а также собственно концепт киевской политики Николая, определяемый конфессиональной идеей — как «возобновление просвещения» и наследование Св. равноапостольному князю Владимиру — просветителю Руси (именно это определение прочитывается в официальных документах эпохи). Мы стремимся описывать исторический материал в присущей ему терминологии и видим свою задачу в том, чтобы показать, как идея Киева — церковного центра подчиняет себе военный и, в конечном счете, просветительский (университетский) дискурс: университет становится «крепостью», а учреждение его — религиозной миссией.

К началу XIX в. Киев являет собою небольшой пограничный город, состоящий из крепостей, церквей и «избушек», три его части разделены пустырями и оврагами, мостовые — деревянные, и в этом основная причина частых и разрушительных пожаров. «Не менее половины городских средств шло на презенты, угощения и поздравления почетных и местных властей и влиятельных лиц, в которых так или иначе нуждался магистрат, — сообщает историк. — На прямые городские нужды расходовалось не более 35%, а городские долги все более возрастали» [Иконников: 31].

Вновь назначенный в 1829 г. глава Киевского жандармского управления подполковник Рутковский докладывал Бенкендорфу, что практически все чиновники магистрата «в родстве меж собою», и это причина «непомерных лихоимств и несправедливостей», сам же город представляет «горы, долины и овраги, крутизны и ущелины, в коих жилые дома могут служить убежищем для вредных людей. Непорядочное строение, рассеянное по сим крутизнам, оврагам и ущелинам, дает удобный

способ к укрывательству сим неблагонамеренным. Свободный проезд и ход через пространство, и нерегулярность города <...>, а впрочем везде открыт путь бродячим к нанесению обывателям вреда» [Щербина: 114].

Окончательная отмена в 1835 г. Магдебургского права и полное переустройство городского управления (замена магистрата Думой и т. д.), безусловно, были следствием общей политики русификации и искоренения польских гражданских обычаев и установлений. Однако все без исключения киевские историки признают, что настоящим поводом к скандальному закрытию магистрата стали колоссальные злоупотребления его членов: при расследовании дела о выборах ремесленного головы обнаружилась растрата — 14 млн. рублей ассигнациями, т. е. сумма, в 9 раз превышавшая годовой доход города.

Промышленности в городе практически не существовало: Петр I приказал завести на Подоле, где всегда было в изобилии шелковицы, шелкопрядильную фабрику, но предприятие оказалось убыточным. Путешественники чаще всего упоминают Межигорскую «фабрику палевой посуды» и Лаврский кирпичный завод. В 1811 г. на Печерске был устроен завод салных свечей, и лишь в 1820-е гг. братья Дехтеревы основали первое литейное производство.

Главным и едва ли не единственным источником существования города являлось винокурение. Крещатик представлял собой сплошную винокуренную слободу, каждый из монастырей имел свою винокурню, и все они «вели торговлю на самых широких основаниях»: «На одном Подоле в магистратских шинках выпивалось ежегодно 25–30 тыс. ведер водки, доставлявших магистрату 10 тыс. руб. ежегодного дохода» [Киев и университет: 13]. Традиционно пристрастие к одному лишь винокурению считалось главным малороссийским бедствием, которое власти, начиная с середины XVIII в., пытались каким-то образом ограничить, считая его причиной лености и отсутствия «полезной деятельности». Согласно универсалу гетмана Разумовского (1761), винокурением позволено было заниматься «одним только владельцам и казакам, имеющим грунты и лесные угодья», однако киевский историк приводит слова

императора Александра, проезжавшего через Малороссию и посетившего Киев в 1816 г.: «Винокурение привело Малороссию в совершенное изнеможение; она находится в таком положении, как человек расслабленный» [Иконников: 66–67].

Первые радикальные попытки к переустройству киевской жизни были предприняты в конце XVIII в.

«Провинциальная реформа» Екатерины и ее политика в «присоединенных» юго-западных губерниях носила в большей степени секулярный характер: и знаменитая «киевская пертурбация» 1786 г., имевшая целью сокращение монастырей и монастырской собственности, и идея более позднего времени о преобразовании Киевской духовной академии в светский университет, наконец, собственно план реконструкции Киева, разработанный генерал-аншефом И. И. Меллером и гр. А. П. Шуваловым, подписанный Екатериной и предполагавший уничтожение (снос) Подола, центра народной и духовной жизни, — все это свидетельствует о наличии некоторой общей идеи. Эта «киевская идея» менее всего означала возвращение к Киеву как исторической «колыбели православия». То будущее, которое мыслили для Киева Екатерина и Потемкин, было связано с бюрократическим и юридическим обустройством, приведением «старопольских порядков» в соответствие с общеимперской «вертикалью» и, что немаловажно, с культурной секуляризацией. По крайней мере, продекларированный в «екатерининском плане» снос «духовного» Подола и сосредоточение городской жизни «на высотах», т. е. главным образом, — в чиновной Старокиевской и Печерской части, при всей его утопичности, предполагал уменьшение духовной и усиление секулярной составляющей киевской жизни.

В александровскую эпоху была предпринята еще одна попытка киевской секуляризации. Тогдашний министр просвещения гр. П. В. Завадовский (в свое время сыгравший не последнюю роль в «провинциальной реформе») учреждает несколько новых университетов в имперских провинциях. В одном ряду с Дерптским и Казанским предполагался и Киевский. Причем базой для светского университета должна была стать

Духовная академия. Однако идея встретила противодействие с двух разных сторон.

С одной стороны, духовенство встало на защиту академии. Митрополит Киевский Серапион записывает в дневнике от 15 июля 1805 г. (спустя без малого три десятка лет, 15 июля, в день памяти Св. Владимира, в Киеве будет открыт университет): «Приезжал к митрополиту гр. Завадовский. Толковал о проекте слияния академии с университетом. Акибы по воле Государя Императора. Многие неудобства и затруднения из сего всегда могут быть; а лучше бы особо учредить университет, а академию нашу оставить по прежнему духовную». И далее следовала замечательная в своем роде приписка: по причине испортившейся от дождя дороги лошади не вывезли министра на гору, — «был бы суеверен, понял, что из его предложения пути не будет» [Серапион: 430].

С другой стороны, возражала «польская партия». Первые лица учебного округа (Киев относился к Виленскому учебному округу) Адам Чарторыйский и граф Фаддей Чацкий настаивали на невозможности «раздробления» округа и «единства образования» в нем. Характерно, что спустя две недели после неудачного визита министра просвещения, 29 июля 1805 г., Александр утверждает написанный Чацким проект Кременецкого лицея, а в начале ноября лицей уже был открыт¹. О фигуре графа Фаддея Чацкого и о значении Кременецкого лицея, на базе которого, в конечном счете, и был основан Киевский университет Св. Владимира, мы будем писать ниже. Что же до первой неудачной попытки учреждения в Киеве университета, то выбрано было компромиссное решение: русский университет учрежден был в Харькове, в Киеве же решено было открыть русскую гимназию. И судя по тому, что произошло это лишь в 1812 г., «русская партия» в Киеве, в самом деле, была

---

¹ Известно, что Чацкий писал проект и отстаивал идею именно гимназии (лицея) в Кременце на том основании, что если бы пришлось поднимать вопрос об университете (как предполагал Гуго Коллонтай), то неизбежно возникла бы тема Киева, а, следовательно, — русского университета (см. [Rolle: 23]).

немногочисленна и вопросами просвещения и светского образования озабочена в самой малой степени. Деньги на гимназию были собраны тем же Чацким.

Между тем открытие гимназии прошло чрезвычайно торжественно и громко в буквальном смысле слова. Митрополит Серапион подробно описал его в своем дневнике. — Произнесены были три речи на польском (гр. Чацким, гр. Ржевуским и маршалом поветовым) и одна речь на русском (директором гимназии Мышковским). Когда пили за здоровье государя императора, прозвучал 101 пушечный выстрел. «Вероятно, в течение своей многовековой жизни Киев только раз оглашался в вечернее время таким патриотическим громом, какой устроили теперь три польские графа» [Серапион: 449–450].

Учащихся в гимназии в 1812 г. было 48, в 1828 г. — 119, однако оканчивал гимназию только каждый 12-й. I-ю киевскую гимназию на этом этапе ее истории трудно назвать успешной институцией. По назначении своим попечителем Киевского учебного округа Е. Ф. фон Брадке посетил гимназию:

Первое свое посещение направил я в гимназию. Я нашел значительное, но совершенно запущенное здание. <...> Комнаты никогда не топились, и сохранился похвальный обычай не мести их, даже ради приезда нового начальника. Учителя и воспитанники сидели попросту в бараньих шубах, и при входе моем первые сняли их, чтобы показать мне, что они в мундирах. Эти учителя с длинными всклокоченными волосами, и многие из старших учеников небритые, имели довольно дикий вид. В числе долгих бород некоторые еще находились в младшем классе, и я узнал, что многие уже 8 лет в нем оставались и при этом промышляли извощичьим ремеслом... [Брадке: 272].

Киевское население в начале XIX в. составляли «русские чиновники и польские помещики» [Грибоедов: 515], бурсаки и прочие «подольские люди», евреи — ремесленники, торговцы и менялы («медники»), а также «ужасное множество странных», т. е. странников. Среди «образованного общества» преобладали поляки. В 1812 г. согласно переписи в Киевской губернии насчитывалось 1172 русских дворян и 43 тыс. поль-

ских². Но при этом духовным центром Киева безусловно оставалась Академия, народная жизнь кипела на Подоле — вокруг академии и монастырей. Светского образования практически не было, путешественники отмечают, что «в книжных лавках не найдете ничего, как церковные только книги и иконы» [Гун: 118]. В Киеве до 1830-х гг. даже календарей русских не издавали — в ходу были календари польские³.

Закономерно, что именно секуляризация *русского* Киева осознавалась как «национальная» проблема в конце XVIII в. *Польский* Киев был городом светским. Если русский Киев моллился, то польский веселился, охотился, играл в карты:

Можно сказать, что Варшава танцевала, Краков молился, Львов влюблялся, Вильна охотилась, а старый Киев играл в карты и, в виду этого перед возрождением университета забыл, что он предназначен Богом и людьми быть столицей всеславянства [Чайковский: 157–158].

Идея о Киеве — всеславянской столице, в самом деле, зародилась довольно рано и, по всей видимости, до известного момента имела хождение среди части киевских поляков. Позднее она сделалась популярной среди славянофилов и стала едва ли не программой университетского журнала «Киевлянин», издаваемого Максимовичем. Отголоски этой идеи находим в «киевских» стихах и письмах Тютчева и в напечатанных в том же «Киевлянине» стихах Хомякова и Бенедиктова. Идея эта находилась не вполне в русле «официальной народности», о драматической ее судьбе свидетельствует история «Кирилло-Мефодиевского братства», ставшего своего рода наследником логи «Соединенные славяне». Но это более поздний сюжет, он при-

---

² Такая диспропорция объясняется, в первую очередь, массовой «нобилитацией» местного дворянства в 1780-е г., когда около 25 тыс. человек получили дворянский статус. Подробнее об этом см.: [Западные окраины: 37].

³ До учреждения в Киеве университета центром светского русского образования и печати был Харьков, светский Киев был польским городом и читал по-польски. См.: [Намм: 60–62].

надлежит другой киевской эпохе и тесно связан с историей университета.

При таком очевидном и безусловном национальном разделении общества и разделении укладов — российского чиновничьего и польского помещичьего, Киев в первой трети XIX в. был редким примером национальной уживчивости. «Польский элемент уживался, как редкое исключение, с русским в киевском высшем обществе», — свидетельствует в своих мемуарах гр. М. Бутурлин [Бутурлин: 590]. Другой мемуарист описывает киевское «гражданство» как некое сосуществование «русских и польских семей» без «вопроса о преобладании» [Селецкий: 290]. Впрочем, замечая чуть ранее, что и в университете до 1839 г. резкого разрыва между русскими и поляками не было, этот автор констатирует, что «православие всегда стояло в Киеве выше католицизма» [Там же: 289]. В этом смысле характерны замечания еще одного киевского путешественника:

Странным однакож показалось мне смешение русских с поляками; даже и на гулянье заметно, что между ими еще не совершилось однородного сродства. Вообще Киев в гражданском быту носит на себе отпечаток польских нравов: здесь и польская упряжь со шпорами, один кучер с бичем, без форейтора, управляет четверкою лошадей, к передним протянуты только длинные возжи. Между жителями чаще слышится польский, нежели русский язык, и не будь в Киеве русской святыни, которая в нем владычествует и привлекает к себе сердца россиян, тогда это был бы не более как завоеванный от Польши город. Но мощи св. Угодников, величественная лавра и Божии храмы до того овладевают мыслию каждого приезжающего сюда на поклонение, что никто не обращает внимания ни на крепостные укрепления, ни на польские нравы, ни на одинокий католический костел, ни на дом контрактов; все это кажется второстепенным, мелким. Твердыня Киева состоит в религиозной святыне, влекущей к себе сердца всех россиян [Маслов: 61].

Это свидетельство тем более замечательно, что сообщает его не паломник, но путешественник «за казенной надобностью», основатель «Земледельческого журнала» и один из первых энтузиастов «свеклосахарного производства» С. А. Маслов. И все

же это свидетельство «русского путешественника». Однако и в глазах поляков Киев — «архимосковский город» (Олизар), “czysto ruskie miasto” (Корженевский) (свод польских «визий» Киева см.: [Биленький]). По духу народной жизни, по общему городскому облику («позлащенные купола» соборов в окружении «ветхих, полуразрушенных изб») Киев, безусловно, “czysto ruskie miasto”. И известный «девиз» Хомякова «Пора Киеву отдаваться русским языком и русской жизнью» [Максимович: 16] относится именно к «образованному сословию» и, собственно, — к учреждению университета.

Университет Св. Владимира был открыт 15 июля 1834 г., в день памяти равноапостольного князя. Этому предшествовало открытие в конце 1832 г. отдельного Киевского учебного округа. Первый его попечитель Е. Ф. фон Брадке, пытаясь избежать назначения, писал кн. Ливену, тогдашнему министру просвещения: «Воспитание в западной губернии неизбежно связано с политикой» [Брадке: 270]. Учреждение университета в Киеве, безусловно, было акцией политической, и дальнейшая его история, равно как и отставка Е. Ф. фон Брадке, как раз и были следствием политического фактора «воспитания в западной губернии». И само учреждение Киевского округа, а затем университета, и назначение на должность попечителя именно Е. фон Брадке проистекало из событий недавней политической истории — польского восстания и польской кампании 1831 г.

Киев всегда мыслился городом пограничным, и с середины XVII в. там беспрестанно строили крепости. Но в начале 1830-х гг. он воспринимается властью и выстраивается как своего рода духовный форпост. И неслучайно новый министр просвещения С. С. Уваров называл Киевский университет «умственной крепостью» в виду другой — Печерской. Эта идея «умственной крепости» была воплощена в архитектурном проекте. Здание, строительство которого в 1842 г. завершил В. Беретти, выглядело именно как крепость: замкнутый четырехугольник с четырьмя фасадами, при том задний фасад был обращен к жандармским казармам. Военная терминология здесь не метафора. Университет, в самом деле, мыслился фор-

постом, передовым идеологическим фронтом. Учреждение университета было продолжением польской кампании, просто театр военных действий перемещался в сферу гражданскую, в сторону культуры и образования.

Характерно, что с открытием учебного округа фактически совпало назначение С. С. Уварова на должность товарища, а затем и министра просвещения. И чуть менее чем через год, 31 октября 1833 г., был утвержден доклад нового министра об учреждении в Киеве университета. Сам Уваров формулировал цель и задачи новой институции предельно четко: «...чтобы в возвращенных от Польши губерниях дать образованию положительное направление, согласное с общим духом народного просвещения в России». Новый университет был призван «по возможности сглаживать те резкие характеристические черты, которыми польское юношество отличается от русского, и в особенности подавлять в нем мысль о частной народности, сближать его более и более с русскими понятиями и нравами, придавать ему общий дух русского народа» [Киев и университет: 64–65].

Уваров понимает бывшие польские губернии как колонии (ср.: «соединить покоренные племена с племенем победителей») и выстраивает сообразный имперский ряд — от Рима до Наполеона. Позднейший историк его «поправляет»: «Малороссия — страна искони русская не может быть приравняема к провинциям, которые покорил некогда Рим» [Там же]. Такое изменение исторической парадигмы, т. е. фактическое «устранение» Польши — польских нравов, языка, культуры и гражданского обустройства — из киевского настоящего и, что важно, из киевского прошлого — собственно и стало определяющей чертой Николаевского (а в местной «огласовке» — бибиковского) Киева. Учреждение русского университета стало первым и главным шагом на этом пути.

Заметим сразу: политика в Киевском учебном округе и состояние самого университета в годы «попечительства» фон Брадке коренным образом отличались от последующего времени «попечительства» кн. С. И. Давыдова и Д. Г. Бибикова.

Первый попечитель Киевского учебного округа Егор Федорович фон Брадке, казалось, менее всего годился на эту роль и долго хлопотал, пытаясь отказаться от назначения. За плечами у него был Горный корпус, затем он служил в школе колонновожатых, настоящую карьеру сделал в польскую кампанию: начал полковником с Анной 2-й степени, закончил действительным тайным советником с золотой шпагой за храбрость. Был начальником штаба у гр. Витта, когда тот был назначен военным губернатором Варшавы, и администрировал чрезвычайно успешно:

Как только мы овладели Варшавою, надобно было тотчас ввести в ней управление, которое совершенно распалось, и обратить возникшую при польском господстве анархию вновь в положительное благоустройство. Вечером того дня, когда мы вступили в город, у меня работало уже двадцать чиновников, разделенных на пять отделов [Брадке: 268].

Вероятно, этот успешный польский опыт и стал решающим фактором при назначении Брадке в Киев⁴. Позже выяснилось, что Брадке понимал свою задачу скорее как административную, а не как политическую. Он готов был учреждать, а не воевать. Он представлял себя последователем гр. Чацкого: Кременецкий лицей стал для него образцом успешного учебного заведения, и именно на базе Кременецкого лицея был создан университет Св. Владимира.

Брадке посетил Кременец в первый же год своего попечительства, и по контрасту с Киевской русской гимназией, которую застал в чрезвычайном запустении, польский Лицей произвел на него сильное впечатление:

---

⁴ Впрочем, историки университета, вероятно, под влиянием университетских преданий, видели другую причину: «Николай предпочитал ставить немцев там, где нужно насаждать “русские понятия”» [Киев и университет: 65]. Ср. характерную сентенцию Максимовича: «И ходят вереницею по университету распространители русской народности: попечитель фон Брадке, за ним помощник его Гинцель, за ним инспектор студентов Гинглинг, а за ним помощник его Рутенберг» [Максимович: 86].

Лицей <...> был устроен знаменитым Чацким, человеком знатным, богатым, всеми уважаемым, чрезвычайно образованным и до фанатизма преданным учебному делу, для успехов которого он готов был на всякую жертву. <...> Лицей имел назначением доставлять высшему дворянству соответственное образование и воспитывать молодых людей верными поданными Русского императора, но с сохранением народности. Чацкий воспользовался для того своим сильным значением, которое основывалось отчасти на особливой милости к нему императора Александра, и старался как можно выше поднять Лицей и доставлять ему все нужные материальные средства. Это и удалось ему: Кременец явно соперничал с Вильною, и многие профессора были лучше Виленских. Суетность знати удовлетворялась, добровольные пожертвования умножались, собран был капитал в несколько сот тысяч, и распространялось убеждение, что частный человек обязан жертвовать своими собраниями на умножение собраний Лицея. Т. о. число книг в библиотеке превысило 100 тысяч томов, и кабинеты видимо умножались. Многие ревностные патриоты стали проводить в Кременце зимние месяцы; маленький дотоле городок оживился безпрестанными балами и другими увеселениями. <...> Дошло до того, что на масленицу многие знатнейшие семейства переселялись в Кременец из Парижа. Много говорили о том, что в Лицее воспитываются фанатики, но в сущности это было не так. Фанатизм был естественным последствием общественных связей и его питали женщины, имеющие в западных губерниях великую власть над молодежью. Кременец сделался любимым местопребыванием польского дворянства, и по смерти Чацкого стала в тамошнем обществе развиваться мысль о будущей самостоятельной великой Польше, а в сердцах укоренялась враждебность к метрополии. Самый Лицей немного или почти вовсе не содействовал этому направлению; напротив, директор и преподаватели оставались почти совершенно чужды оному и негодовали на то, что возбуждение умов отвлекало молодых людей от науки [Брадке: 273–274].

Граф Фаддей Чацкий был фигурой чрезвычайно известной и, безусловно, харизматической — красноречивый энтузиаст и проектант, из десятков задуманных им проектов Кременецкий

лицей был самым успешным⁵. При назначении его в должность (он был «визитатором» Виленского учебного округа и вторым — после гр. А. Чарторыйского — лицом в округе) в трех губерниях было 5 учебных заведений, когда же он умер, учебных заведений насчитывалось 127. Воспитанники готовы были почитать его как святого:

Я не могу не преклониться перед тенью человека, которого не позволяю себе назвать святым лишь потому, что римско-католическая церковь таковым его не признала. Но если нынешнее поколение наше, столь много претерпевшее ради дорогого отечества, не может забыть, сколь обязано оно Чацкому, укрепившему в сердцах неугасимое чувство долга, то что же должен чувствовать я? Ведь для меня Чацкий был вторым отцом [Олизар: 11].

В противном лагере его считали фанатичным польским патриотом и воспитателем фанатиков, в своем роде ловцом душ. Это было не вполне так: фанатиком Чацкий не был, он более увлекался своими проектами и их практическим воплощением, нежели отвлеченной идеей. Но красноречие и влияние его были столь велики, что он умел найти средства для воплощения своих идей. Фактически он сделал богатых поляков филантропами-жертвователями, средства на Лицей собрал огромные и в очень короткий срок.

Итак, Брадке выбирает Кременецкий лицей как базу для Киевского университета. Сама по себе мысль сделать из элитного польского лицея русский университет, т. е., фактически, свести на нет Кременец как польскую интеллектуальную Мекку и перевести лицей в православный по духу Киев, — ход политически чрезвычайно смелый и многообещающий. Однако Брадке мыслил категориями скорее административного, нежели политического порядка. Он понимал себя последователем Чацкого на этом поприще (так, как он понимал Чацкого: не фанатик, а великий администратор и просветитель). И в самом деле, университет он открыл в рекордные сроки, через

---

⁵ Подробнее о гр. Ф. Чацком будет говориться в третьей главе настоящей книги.

9 месяцев после подписания указа. Он не запрашивал много средств, перевез из Кременца кабинеты, собрания и профессоров (физиков, математиков и естественников)⁶. Еще часть профессоров пригласил из Дерпта, В. Ф. Цыха на кафедру истории — из Харькова (и никоим образом не упоминает в своих «Записках», почему предпочел его Гоголю⁷), Максимовича — из Москвы. Ему говорили, что он не сможет набрать профессоров так быстро, но он отвечал, что только быстро их и можно набрать⁸.

15 июля 1834 г. при огромном скоплении дворянства, в основном, польского состоялся торжественный акт:

Съехалось больше, чем съезжается на Контракты в январе месяце. За три рубли в сутки <...> нельзя было достать крошечной комнатки. Многие богатые люди располагались по сараям и в клетях <...>. До такой степени три западные губернии сочувствовали этому торжеству, — вспоминает Брадке и объясняет энтузиазм польского дворянства тем, что в Указе были слова о наследовании университета Кременецкому лицу: «Признали мы за благо, по переводе Волынского лица из Кременца в Киев, преобразовать оный в высшее учебное заведение с надлежащим распространением и на твердых основаниях, преимущественно для жителей Киевской, Волынской и Подольской губерний, коих наследственное усердие в пользу просвещения упрочило и на будущие времена благосостояние учебных заведений того края» [Брадке: 278–279].

Тут, впрочем, можно вспомнить, с каким энтузиазмом и громогласными фейерверками «три польские графа» открывали первую русскую гимназию в Киеве: митрополит Серапион

---

⁶ О дальнейшей киевской судьбе «кремenceцкого наследства» см.: [Rolle: 248–258].

⁷ Не исключено, что здесь сыграла свою роль «ревизия» Нежинского лица. Вступая в должность, Брадке посетил и Нежинский лицей, который нашел «в состоянии разложения» [Брадке: 276].

⁸ Ср. характеристику Брадке у В. Шульгина: «Для Брадке русский, немец и поляк не существовали, а только способные и неспособные люди» [Шульгин: 27].

описывал эти торжества с недоверчивой иронией, Брадке — с простодушным восторгом.

Между тем, впоследствии важнее оказалась другая идея из того же Указа:

Избрав город Киев, с давних лет к учреждению университета предназначенный, равно драгоценный для всей России, колыбель святой веры наших предков и первый свидетель их гражданской самобытности, Мы повелели учредить в оном университет под особым покровительством и в память Великого Просветителя Богом врученной Нам страны.

И сам Брадке акцент этот уловил и замечательным образом сформулировал в своей речи на открытии университета:

Учреждение Университета во имя Св. Владимира, озарившего Россию светом святой христианской веры, навсегда соединит в сей стране имя Владимира с именем Николая I, великого возобновителя просвещения в том самом крае, из коего оно разлилось по всей России [Записка и речи: 14].

Собственно, здесь и определена настоящая идея чрезвычайно обширной киевской деятельности Николая I и его киевской политики. Это *возобновление просвещения* (свет истинной православной веры!) в исконном русском крае. В этом смысле основание университета предстает как религиозная идея, своего рода миссия, продолжение и возобновление православного царства на отвоеванных у католической Польши землях.

Николай, в самом деле, никаким городом империи не занимался так последовательно и в таких подробностях, как Киевом. В официальной киевской историографии Киев именовали любимым городом Николая.

Напомним, что Екатерина посетила Киев однажды (и составила о нем не лучшее впечатление), Павел — тоже однажды, еще будучи наследником. Впрочем, Павел, из чувства противоречия, возобновил отмененное Екатериной — по ходу провинциальной реформы — Магдебургское право. Александр также проезжал через Киев однажды — по возвращении из Парижа. Николай впервые посетил Киев в 1816-м, затем — после коронации в Варшаве и смотра в Тульчине — в 1829-м.

После польского восстания в 1830–1840-х он бывал в Киеве практически каждые год–два. Первое, что он сделал, приехав в Киев в 1830 г. — повелел гражданам заменить польские мундиры на обыкновенные гражданские⁹.

Киевскую политику Николая следует определить как чрезвычайно последовательное продолжение и усиление «провинциальной реформы». Но, в отличие от секулярного пафоса екатерининских преобразований, политика Николая приобретает отчетливый характер «религиозной миссии». Т. Г. Яковлева в книге «Западные окраины Российской империи» определяет это отличие в плане «династическое» vs «националистическое»: Екатерина «взяла только свое» (наследие Рюриковичей), Николай ставит вопрос о «русизме», фактической русификации (см.: [Западные окраины: 77]). Нам представляется, что категории «национализма» носят несколько внешний характер по отношению к николаевской политике. В конце 1820-х и вплоть до середины 1830-х гг. (до фактического «воцарения» Д. Г. Бибикова в округе) имперская политика в Киеве сосредоточена на «возобновлении просвещения», причем «просвещение» понимается именно как «свет истинной православной веры».

Одновременно с учреждением Киевского учебного округа закрываются многочисленные польские школы — наследие Чацкого. В короткие сроки отменяется прежнее гражданское уложение, суды переводятся с польского языка на русский, закрывается контора Варшавского банка. Магдебургское право в Киеве было окончательно отменено в 1835 г., и вместо магистрата в городе, по общеимперскому порядку, была учреждена городская управа. Литовский статут был окончательно упразднен в 1840-м. Но самой принципиальной акцией в числе николаевских преобразований стала т. н. «ревизия шляхты». В результате ее за без малого десять лет была устранена «до-

---

⁹ Польские киевские мундиры были зеленого цвета с голубым воротником и оранжевыми отворотами. Справедливости ради, заметим, что от такого сочетания цветов в глазах рябило. Сам Олизар признавался, что при первой возможности — прикупив крымские земли — сменил киевский мундир на таврический [Олизар: 125].

садная демографическая диспропорция». Поскольку количество польских дворян в Киеве традиционно на порядок превышало количество русских дворян, то центральная комиссия к 1840-му г. исключила из дворянского сословия 64 тыс. шляхтичей по всей губернии, — они были причислены к податным классам однодворцев и граждан. Итог «ревизии» лучше всего характеризует «прощальная речь» перед дворянами киевского генерал-губернатора Бибикова:

Когда я приехал, застал здесь, что все были дворяне: помещик ехал в карете — дворянин, кучер на козлах — дворянин, сторож — дворянин, в кухне стряпал — дворянин, подавал барину сапоги — дворянин, и когда он рассердясь хотел взыскать с него, тогда слугитель отвечал ему: не имеешь права, я тебе равен [Киев и университет: 27].

В 1830 г. в Киев из Могилева была переведена штаб-квартира 1-й армии, и в городе начинается грандиозное строительство. После учреждения специального строительного комитета (в киевской истории он получил имя военного губернатора гр. В. В. Левашова) Киев стал стремительно и организованно расширяться, перестраиваться и перепланироваться. Николай входил во все подробности — вплоть до вопроса о вырубке тополей в Липках. Строительство велось в двух направлениях. На Печерске достраивалась крепость и новые казармы для все более умножающейся армии (население Киева почти удвоилось с начала века, и по большей части за счет военных). И одновременно строился т. н. Новый город — вокруг университета. Мещан из военного Печерска переселяли фактически на пустырь (для переселенцев нарезали уделы на Паньковщине — район нынешних улиц Красноармейской, Горького и Паньковской). Вокруг университета был создан «Латинский квартал», и университет в буквальном смысле стал центром «Нового города», который, согласно градостроительным идеям картезианского века, выстраивается рядом со «Старым городом», но чуть в стороне от него.

Итак, университет становится не только аналогичной Печерской — второй «умственной крепостью», он становится

градообразующей идеей. Эта идея тоже была замечательным образом сформулирована на церемонии открытия университета: «Университет даст совершенно другой вид этому городу, — заявил тогда профессор истории В. Ф. Цых, — бедные лачужки, теснящиеся одна подле другой в отдаленных частях города, обратятся в огромные красивые здания; на обширных пустырях, отделяющих одну часть города от другой, представляющих столько неудобств для жителей его, возникнут прекрасные строения или красивые гульбища» [Записка и речи: 117]. «Эта часть пророчества Цыха исполнилась в точности на глазах еще ныне живущего поколения, — заключает позднейший историк университета. — Жалкий провинциальный город, состоявший из одних предместий, преобразился в большой европейский город, главным образом благодаря своему университету и тем многочисленным учебным заведениям, которые возникли потом вокруг него» [Киев и университет: 64].

Прозвучавшая на открытии университета градостроительная риторика вроде «Здесь будет город-сад» оказалась не утопическим допущением, а программой. Университет строится на пустыре. Затем прорезается улица — самая длинная на тот момент в Киеве — соединяющая университет с историческим городом. Она получает название Владимирской, становится магистральной, проходит через Золотые ворота и Софийский собор до самого Подола. Затем — при участии Николая — выбирается место для будущего Владимирского собора — напротив Университета. Наконец, на исходе николаевского царствования как своего рода итог сооружается памятник святому равноапостольному князю, и градообразующая «стрелка», связующая «Новый город» и учрежденный Николаем университет с сакральными киевскими горами (гора отныне тоже называется Владимирской), получает свое символическое завершение.

Вся киевская топонимика, определяемая именем Владимира, появляется в николаевскую эпоху. Программная аналогия и выстраиваемая идея наследования — от Владимира-просветителя к возобновителю просвещения Николаю — была очевидна и, в конечном счете, поддержана поздней рифмой.

В 1896 г., к столетию Николая I, напротив главного фасада университета Св. Владимира был установлен памятник его «учредителю». Университет выпустил к этому событию юбилейный стостраничный том, заканчивающийся словами:

Здесь именно Император Николай I воздвиг себе памятник «чудесный, вечный», «к нему не зарастет народная тропа» [Киев и университет: 100].

Памятник находился в крайней на тот момент точке Владимирской улицы: в начале ее была Владимирская гора с памятником «Великому просветителю».

ЛИТЕРАТУРА

- Биленький: *Bilenky S. Battle of Visions. How was Kiev seen in the 1780s – 1840s?* // Toronto Slavic Quarterly. № 13. <http://www.utoronto.ca/tsq/13/bilenky13.shtml> (Дата просмотра: 21.11.2009).
- Брадке: Автобиографические записки сенатора Е. Ф. фон Брадке // Русский архив. 1875. № 3. С. 257–295.
- Бутурлин: Записки графа М. Д. Бутурлина: Ч. VIII. 1832–1836 // Русский архив. 1897. Т. 8. С. 529–601.
- Грибоедов: *Грибоедов А. С.* Соч. М., 1988.
- Гун: *Гун, Оттон фон.* Поверхностные замечания по дороге в Малороссию в осени 1805 года. М., 1806.
- Западные окраины: Западные окраины Российской империи. М., 2007.
- Записка и речи: Записка и речи, читанные при открытии Имп. Университета Св. Владимира 15 июля 1834 года. Киев, 1840.
- Иконников: *Иконников В. С.* Киев в 1654–1855 гг.: Исторический очерк. Киев, 1904.
- Киев и университет: Киев и университет Святого Владимира при императоре Николае I. Киев, 1896.
- Максимович: *Максимович М. А.* Письма о Киеве. СПб., 1871.
- Маслов: *Маслов С. А.* Путевые заметки при поездке из Москвы в Киев, Харьков и Воронеж // Земледельческий журнал. 1839. № 4. С. 29–62.
- Олизар: Мемуары графа Олизара // Русский вестник. 1893. № 8. С. 3–41; № 9. С. 101–132.

- Селецкий: Записки П. Д. Селецкого // Киевская старина. 1884. Т. 8. С. 276–445.
- Серапион: *Серапион, митрополит Киевский*. Дневник 1804–1824 / Подг. текста и предисл. Ф. Терновского // Киевская старина. 1883. Т. VII. С. 88–134.
- Чайковский: Записки Михаила Чайковского // Русская старина. 1895. Т. 84. С. 149–187.
- Шульгин: *Шульгин В.* История Университета Св. Владимира // Русское слово. 1859. Кн. 10.
- Щербина: *Щербина В.* Київ в 20-х роках XIX століття // Україна, науковий двохмісячник. 1925. № 4. С. 111–118.
- Hamm: *Hamm Michael F.* Kiev: A Portrait, 1800–1917. Princeton University Press, 1995.
- Rolle: *Rolle Michal.* Ateny Wolynskie. W II. Lwow; Warszawa; Krakow, 1923. (Репр.: Киев, 2007).